

Лев Рубинштейн

б ище

клад

с

вай

фаем

Лев Семенович Рубинштейн

Кладбище с вайфаем

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57392532

Кладбище с вайфаем: Новое литературное обозрение; Москва; 2020

ISBN 978-5-4448-1412-3

Аннотация

В новой книге Льва Рубинштейна разворачивается эпическая борьба между прошлым и настоящим. Советское прошлое опутывает наше подсознание, воплощаясь в навязчивых образах пропаганды, поручениях, поправках, запретах, оговорах, ослышках и прочей психопатологии политической жизни. Внимательный взгляд автора с безошибочной интуицией выхватывает самые резонансные информационные нелепости и показывает, из чего же они сделаны и как с ними быть. Но подход Рубинштейна далек от публицистики. Скорее он показывает, как вооруженная здравым смыслом и мягким юмором техника фрагментарного письма может оперативно и точно реагировать на информационную повестку современной России. Лев Рубинштейн – автор книг поэзии и эссеистики “Домашнее музицирование” (2000), “Погоня за шляпой и другие тексты” (2004), “Знаки внимания” (2012), “Целый год. Мой календарь” (2018).

Содержание

Нормальные значения	12
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лев Рубинштейн

Кладбище с вайфаем

1

Когда автор размышляет, с чего бы начать текст, содержание которого до поры до времени неведомо ему самому, он вполне справедливо решает выдернуть из ткани памяти нитку какого-нибудь мимолетного и не слишком значительного воспоминания. Если не из детства, то, по крайней мере, из далекого уже прошлого. А там уж, надеется он, само как-нибудь пойдет. И оказывается обычно прав.

2

Когда давно уже, где-то в начале семидесятых годов, я прочитал на этикетке спичечного коробка странное предостережение “Берегись населения”, я удивился не столько содержанию этого призыва – содержание мне показалось как раз более или менее обоснованным, – сколько тому, что прямо вот так вот прямо такое вот прямо на спичечном коробке...

Это было, мягко говоря, удивительно.

Впрочем, недоумевать мне пришлось совсем не долго.

Мой тихий ад в стройности своей первоначальной восстал очень скоро, когда, перечитав этот странный текст раза четыре, я все же разглядел, что там вовсе не тревожное “берегись”, а совсем даже мирная и скучная “перепись”. Тьфу ты! Ну ее...

3

Когда я слышу какие-нибудь речи про какое-нибудь очередное “дно”, я начинаю думать о том, сколь относительноны и сколь неодинаковы наши представления об окончательной катастрофе. И вспоминаю, конечно, недавно услышанный мною маленький диалог.

В метро рядом со мной сидели молодой папаша и сыночек лет шести. Судя по долетавшим до меня обрывкам разговоров, речь шла о невеселом – о последствиях гипотетического ядерного удара.

“И это будет такой силы выброс тепловой энергии, что буквально все живое просто испарится и превратится в пар”.

“Что, и все мороженое растает?” – тревожно спросил мальчик.

4

Когда мы волей обстоятельств становимся свидетелями

очевидного насилия, академические рассуждения о том, в какой мере “насильник доведен до отчаяния”, в какой мере “оскорблены его святые чувства” и в какой мере объект насилия “сам спровоцировал это своим нахальным поведением”, нам кажутся не вполне, мягко говоря, адекватными.

Но это лишь нам с вами так кажется. Свидетели бывают разными.

Такие, например, существуют свидетели, чьи нежные чувствительные души изъязвлены бывают доносящимися с улицы истошными воплями. “Сколько это может продолжаться в конце-то концов! Закройте уже, наконец-то, форточку! Заснуть же невозможно! Уже, между прочим, четвертый час ночи! Завтра рано утром мне на йогу! Безобразие!”

И такие бывают, чей тонкий вкус оскорбляется не слишком-то, прямо скажем, женственным поведением насилуемого объекта. Ну вот зачем она так некрасиво визжит и царапается? Да и платье на ней какое-то драное. Женщина должна все-таки в любой ситуации следить за собой, за своим, так сказать, внешним обликом. Насилие насилуем, а зачем же так опускаться.

Существуют, между прочим, и такие, кто, засунув правую руку в недра штанов, с вожделением ждет апофеоза, финального “содрогания”.

Разные они бывают, свидетели.

Насильник, впрочем, тоже человек. Он тоже может в какой-то момент, посреди, так сказать, процесса, проявить

нечто вроде гуманности и хрипло промолвить: “Ладно, согласен на перемирие, чего-то я подустал маленько, пойду-ка я покурю и поссу, только ты смотри никуда не уходи, я скоро”.

5

Когда тот или иной “объективист” не без ехидства интересуется: “А почему ты подписываешь петиции за якобы (якобы!) политических заключенных в России, а тебя при этом ничуть не беспокоит судьба политических заключенных в других странах” (под “другими странами” понимается чаще всего Украина, и, разумеется, без всякого “якобы”), я обычно не отвечаю, считая это делом, в общем-то, бесполезным.

А если бы и ответил, то ответил бы примерно так.

Беспокоит, конечно. Но не совсем так, как в поздние советские годы некоторых наших прогрессивных поэтов и писателей ужасно беспокоила судьба Анджелы Дэвис или узников Пиночета. То есть совсем не так.

Потому что ни тогда, ни теперь я не ощущал и не ощущаю в себе морального права публично сочувствовать политическим заключенным в других странах, даже если они там существуют и на самом деле, а не являются скороспелым плодом воображения наших пламенных пропагандистов. Не ощущаю я в себе этого морального права, покуда существу-

ют политические заключенные в моей собственной стране.

И, по-моему, если и существует у слова “патриотизм” хоть какое-нибудь позитивное значение, то вот это оно как раз и есть.

6

Когда я натываюсь где-нибудь на информацию о том, что “президент провел рабочую встречу с работниками культуры” (науки, бизнеса, прокуратуры, криминального мира, средств массовой информации, медицинских учреждений, воинских частей, правоохранительных органов, дошкольных детских учреждений, неформальных патриотических организаций, текстильной и обувной промышленности, железнодорожного транспорта, исторического оптимизма и мирного неба над собственной головой), я почти всегда обнаруживаю, что текст этой информации написан на таком уже давно забытом, казалось бы, языке, что руки мои сами тянутся к перу, а перо к бумаге, чтобы каждый из таких текстов в целях достижения окончательной стилистической гармонии и обретения вожаемого ритма непременно завершить таким примерно образом:

“Далеко за полночь разошлись коммунисты. Но долго еще горел свет в окне секретаря парткома”.

Когда посреди информационной свалки ты вдруг спотыкаешься о подлинный бриллиант, всеми своими сверкающими гранями говорящий тебе о том, что “для того, чтобы тотально слепые члены Общества слепых могли представить себе лицо президента РФ Владимира Путина, им был подарен тактильный портрет президента”, ты не можешь не проникнуться невольной, слегка постыдной завистью к той категории граждан, которые именуется в этом сообщении “тотально слепыми”. “Вот везет же кому-то”, – недобро думаешь ты.

Также ты не можешь отказать себе в сомнительной, но неизбежной в данном случае потребности так перефразировать одну из самых заветных для каждого читающего россиянина лирических строк, чтобы получилось: “Я вас любил так искренно, так-тильно...”

Также ты не можешь не вспомнить немедленно о том, как когда-то, в середине восьмидесятых годов, ты получил однажды царский подарок. Подарок был от одного мимолетного знакомого, который когда-то кем-то работал в упомянутом выше Обществе слепых. Подарок же представлял собой несколько пластиковых “тактильных портретов”. Но, понятно, не президента РФ Владимира Путина, а всего лишь В. И. Ленина.

Прелесть всей этой портретной серии была в том, что при полной идентичности выпуклых изображений вождя все эти портреты были разных цветов, подчас довольно ядовитых. Кроваво-красный Ильич, сочно-зеленый Ильич, чернильно-фиолетовый Ильич, молочно-белый Ильич, inferнально-черный Ильич. Такая прихотливость цветовых решений объяснялась легко: “тотально слепые” для того и слепые, чтобы цветов не различать, а только трогать да щупать.

Но зато на тотально зрячих эта портретная галерея производила довольно сильное впечатление.

Куда-то, в процессе очередного переезда, эти портреты, увы, исчезли. Жаль.

Впрочем, чего жалеть – новые песни, новые портреты, новые “тотально слепые”, хоть в прямом, хоть в переносном смысле.

8

Когда автор долго и поначалу безуспешно пытается отыскать хотя бы приблизительный композиционный принцип, позволяющий без особого насилия объединить в одном тексте несколько разрозненных и ничем, в общем-то, не связанных между собой соображений, наблюдений или беглых воспоминаний, он вдруг вспоминает о том, сколько хороших и плохих стихов и песен начинается со слова “когда”, и кажется ему в тот момент, что хотя бы одна из бесконечной

череды проблем более или менее решена.

Нормальные значения

Пришло, я считаю, время признаться в том, что я не просто не люблю, а прямо-таки не выношу некоторых слов родного языка. Причин для этой нелюбви я не назову, потому что сам их не знаю. Но это тем не менее так.

Например, меня совершенно корежит от слова “зарисовка”. Почему? Повторяю, не знаю. Во всяком случае, ничего плохого оно мне не сделало. И особенно огорчаюсь, когда его употребляют люди, мне милые и симпатичные.

Вот, допустим, скажет мне кто-нибудь со всей безусловно искренней доброжелательностью, что, мол, какая у вас чудесная зарисовка получилась. Я, разумеется, благодарю и смущенно шаркаю ножкой, а вот в том, что я в состоянии в тот момент полностью контролировать поведение собственных лицевых мускулов, я совсем не уверен.

Покуда главной, а то и единственной претензией ко мне, исходящей от различных комментаторов, является моя не

вполне каноническая в наших широтах фамилия и покуда единственным пожеланием является пожелание мне переместиться в иные широты, я вполне могу чувствовать себя практически безупречным. Но не буду: я-то сам себя не настолько высоко ценю, как они. Я-то сам себя в отличие от них хорошо знаю.

“Здравствуйте!” – неожиданно и звонко произнес незнакомый человек, встретившийся мне на тротуаре. Я ответил, что здравствуйте, мол, тоже.

“Очень я ценю ваше поэтическое творчество!” – тоже звонко сказал, то есть даже почти что прокричал сангвинический этот незнакомец. “Спасибо”, – говорю я, слегка, как полагается, потупившись.

“Больше всего люблю у вас в стихах одно место! Сейчас вспомню какое. А! Вот: «Мы все равно победим тиранию!» Очень с вами согласен! Очень! Спасибо вам! Берегите себя!”

И он ушел, оставив меня одного под дождем с настежь открытым ртом и полным смятением в душе.

Но все равно – хорошо же побывать минуты полторы народным трибуном.

С утра пораньше мне в личное сообщение пришло небольшое, но яркое послание от неведомой мне поклонницы.

Приятное послание, не скрою.

Сначала – различные неизбежные “глотки свежего воздуха в этой затхлой атмосфере”. Ну, не буквально так, но похоже в целом.

А в конце – “Спасибо вам, большой красивый человек”.

Тут я окончательно приосанился и пошел посмотретья в большое зеркало в прихожей, для масштаба поставив рядом с собой кухонную табуретку.

Вышел я нынешним утром из дому и тут же, во дворе, стал свидетелем совершенно удивительной, чтобы не сказать сюрреалистической, сцены.

Посреди добротного, еще не посеревшего от невзгод сугроба стояла большая открытая коробка с кремовым тортом – совершенно не тронутым, резко и живописно выделявшимся на белом фоне своими розовыми и зелеными розами – ну, вы знаете эти цвета.

Но это не все. Вокруг торта с очень торжественным видом сидели четыре дворняги, сосредоточенно, в гробовом молчании уставившиеся на это рукотворное чудо света.

Молились, что ли? Или что-нибудь праздновали? Свадьбу? День рождения? И откуда там вообще оказался совершенно целый торт?

Все непонятно. Много, вообще-то, в нашей жизни всякого совсем непонятного. И это прекрасно, я считаю.

Вез меня по центру таксист-кавказец. Немолодой, моих примерно годов.

Я с таксистами всегда завожу разговор. Привычка. Интересно. Расспрашиваю, кое-что рассказываю и сам.

Этот, нынешний, был немногословен, но слушал внимательно и с вежливым интересом. Я ему устроил маленькую экскурсию. “Когда-то давно, еще до моего рождения, – рассказываю я ему, – памятник Пушкину стоял не здесь, а вон там”. Он старательно, вежливо, но молча изображает интерес. “А это, – говорю, – самый старый в Москве бульвар. Тверской называется”. Кивает.

Когда мы проезжали мимо Никитских Ворот, я опять говорю: “Вон там, в той большой церкви, венчался Пушкин”. Кивает. “А здесь, в этой маленькой, крестили Суворова”.

Наконец, он размыкает уста и произносит: “Раньше вооб-

ще порядок был”. Может быть, и правда?

Ко всем текущим событиям, происшествиям и процессам мы жадно ищем исторических аналогий и рифм не потому, что они нам что-то всерьез объясняют, а потому, что так нам легче их переживать.

Ну, типа того, что по поводу небывалого снегопада или неслыханной, наоборот, жары мы тут же вспоминаем, что тридцать семь лет тому назад были зафиксированы примерно такие же снегопад или жара.

И мы успокаиваемся. Не совсем, но хотя бы чуть-чуть. Что уже неплохо.

Кто смеет утверждать, что наша жизнь скучна и легко предсказуема? Вот уж ничуть не бывало.

Вот, например, сегодня утром, в тот момент, когда я покупал по списку овощи в магазине около своего дома, на меня сзади вероломно упала очень крупная и совершенно пьяная тетка с классически подбитым глазом. Будучи морально не подготовленным к приему на спину непредусмотренного груза, я уронил сумку с продуктами, и картошка весело раз-

бежалась по магазину.

“Чего это вы?” – зачем-то спросил я, осознавая, впрочем, предельную риторичность собственного вопроса.

“Сорри! Сорри! – сказала тетка. – Войдите и вы в мое положение. Я сегодня похоронила двух мужей”. “Как это двух?” – полюбопытствовала одна из двух продавщиц. “А так вот – двух, – пояснила тетка. – Одного зовут Шостакович, второго – Прокофьев. Подари мне два помидора за мои страдания”.

И, не дождавшись никакого ответа и тем более результата, вышла, шатаясь, из магазина, тут же слившись с московской ноябрьской слякотью.

А вы говорите...

Около кассы в супермаркете один мужик другому рассудительно говорит: “При таком бардаке Америка скоро рухнет”. “А чего?” – без особого интереса спрашивает второй. “Ну, смотри, – говорит первый. – Президент издает указ, а какой-то там судья его отменяет. Может такое государство существовать? Разве ж такое возможно?” “Ну, вобще-то, да”, – вяло соглашается второй и выкладывает из корзинки на ленту две бутылки пива “Рижского”, батон белого, банку зеленого горошка и пакет молока.

В Москве по понятным причинам считается редкой удачей встретить дважды за один день на улице или в метро одного и того же случайного человека.

У меня такие случаи были. Так, например, в далекие семидесятые годы я в течение одного и того же дня в совершенно разных местах Москвы поймал одно и то же такси с, соответственно, одним и тем же водителем.

А вот сегодня, представьте себе, я дважды встретил в совершенно разных местах одного и того же китайца. Узнал я его – врать не стану – все же не по лицу, а по показавшейся мне необычной оправе очков. Мне ли, очкарику, не замечать и не запоминать оправы очков! Особенно необычные.

В домофон позвонили.

“Кто это?” – спрашиваю. Спрашиваю, потому что никого в данный момент я не жду.

“Кто, кто! – раздался совершенно мне не знакомый и очень раздраженный мужской голос. – Хуй в пальто! Это я! Открывай давай!”

Подчинившись мощному победительному напору незна-

комца и подавленный силой его внутренней неопровержимой правоты, я открыл, конечно.

К кому явился этот решительный человек, я так и не узнал. Не ко мне – и то уже хорошо.

Разумеется, многие заметили – не заметить это невозможно, – что ФБ-сообщество, даже та его часть, которая худо-бедно объединена общими базовыми представлениями о хорошем и дурном, а также о прекрасном и безобразном, бессознательно, но постоянно ищет и, разумеется, находит все новые мотивы и стимулы для разделения, для свары, для хождений стенки на стенку, чреватых иногда взаимными плевками, щипками и даже легкими, но чувствительными подсрачками.

Если не политика, то искусство. Если не искусство, то здоровье. Если не здоровье, то школа. Если не школа, то погода. Если не погода, то свои, а чаще чужие семейные драмы.

Кто-то, конечно, может произнести слово “диалектика”. Да ладно вам! а кто-то еще, допустим, сам себя стесняясь и от этого слегка краснея, скажет тихим голосом про то, что в споре, мол, рождается истина. Ага, как же! Вот прямо на глазах она буквально рождается.

Никакая истина, разумеется, не только не рождается, но даже и не зачинается. А рождается, и даже не рождается,

а лишь заново взбадривается хроническое взаимное раздражение, корни которого уходят бог знает куда.

Видимо, это все последствия родовой травмы того исторически сложившегося (тут сначала возникла фрейдоподобная опечатка “слежавшегося”), но до сих пор не отрефлектированного явления, которое очень приблизительно называют обычно “российской интеллигенцией”.

Эти печальные, постоянно и назойливо напоминающие о себе последствия принимают все новые и самые разнообразные формы, кое-как приноравливаясь к окружающей среде и к текущим социально-культурным обстоятельствам.

Однажды я ночевал пару-тройку очень жарких ночей в небольшой, но симпатичной гостинице в городе, представьте себе, Бордо.

В первую же – жаркую, повторяю – ночь в номере кроме меня оказался ужасно активный комар. Он вел себя прескверно, как и полагается комару, хоть отечественному, хоть французскому. Он жужжал то там, то сям. И он, конечно же, ничуть не скрываясь, жаждал моей крови. Но больше все-таки жужжал, чем кусался.

Я кое-как заснул, а во сне меня преследовал неотвязный мотив. Мотив мощный и властный. В какой-то момент я понял, что это был “Полет валькирий”.

Утром я, понятное дело, проснулся и встал. Потом вышел из гостиницы. Потом зачем-то обернулся. И обнаружил рядом с входной дверью небольшую мемориальную дощечку. На ней же было написано, что в таком-то году в этой гостинице останавливался композитор Вагнер.

Тогда конечно! Тогда все понятно. А иначе с какой бы стати пробравшийся в мою комнату князь Гвидон стал бы исполнять над моим ухом именно “Полет валькирий”, а не, скажем, другой, более релевантный для него “полет” – из Римского-Корсакова?

Когда-то мой покойный друг Пригов рассказывал очень поучительную историю про одного своего бывшего товарища, учившегося вместе с ним в Строгановке.

Этот парень был из глубинки, чуть ли не из деревни. Он был не без способностей и подавал, как говорится, надежды. Но в нем всегда ощущалась некоторая настороженность и чисто крестьянская подозрительность. Ему всегда казалось, что к нему как-то не так относятся окружающие его “столичные штучки”. Хотя его скорее любили за его непосредственность и стихийный, вполне оригинальный дар, который до поры до времени компенсировал его общую диковатость. Да и сама эта диковатость некоторое время шла ему на пользу как свидетельство “самобытности”.

Но он все равно был напряжен и как-то туманно, как-то не по-хорошему задумчив.

Во время общих студенческих посиделок и возлияний, где все, естественно, говорили исключительно об искусстве, его больше всего интересовал мучительный вопрос, кто кого в искусстве главнее. Расхожую в той среде и в те времена и ни к чему, в общем-то, не обязывающую формулу “ты гений, старик” он воспринял как-то слишком серьезно. И вся его художественная натура, все его помыслы и замыслы сконцентрировались на трудно определимой, а потому и потенциально разрушительной теме “гениальности”.

Одержимость “гениальностью” постепенно становилась настолько всепоглощающей, что он парадоксальным образом стал терять интерес к самому искусству.

Не то чтобы он сам себя считал гением. Ему было насущно необходимо, чтобы таковым его считали другие. А от этого характер его все больше портился, а настороженность и подозрительность все возрастали.

Для установления своей репутации гения он выбрал самый простой, но не самый, мягко говоря, удачный для этого путь. Он стал активно, вполне декларативно и довольно навязчиво отказывать в гениальности и таланте всем, кто его окружал. По такой примерно схеме: “В искусстве, Серега, на сегодняшний день есть только двое – ты и я. А все остальные – бездарности и неудачники”. Или он говорил: “Вчера встретил Валерку. Идет такой, весь в джинсовом костюме.

Одет совершенно не по таланту”.

Легко догадаться, что это нравилось далеко не всем. И его постепенно стали попросту избегать.

Однажды Пригов столкнулся с ним на улице. Он был смертельно пьян, лицо его было залито слезами, он шел прямо по лужам, и брызги летели во все стороны.

“Что случилось?” – спросил его Пригов. “Я недавно женился! – сквозь рыдания ответил тот. “Ну, это еще не повод...” – “Да не в этом дело! Вчера я вдруг узнал, что моя жена не считает меня гением! Но я же ведь гений, правда?” “Конечно, гений! – ответил мой добросердечный друг. – А кто же еще”.

И они разошлись в разные стороны.

Спешу поделиться, потому что дело по-своему экстренное.

Ну, не то чтобы так уж прямо, но все-таки...

Дело в том, что вот прямо сейчас подошла ко мне вплотную дама.

Дама как дама. Ну, глаза слегка выпучены и взгляд слегка разбалансирован. Ну и что с того...

Подошла, в общем, и говорит:

“Ну уж вы-то точно должны знать, где тут психдиспансер!”

Я честно, хотя и, как мне показалось, несколько виновато сказал, что нет, увы, рад бы, но, увы...

А она слегка недоверчиво и слегка укоризненно покачала головой и пошла дальше в поисках истины.

Ну? И что теперь?

Мне-то судить трудно, но некоторые считают, что кое-каким чувством юмора я вроде бы не обделен. Ну что ж – мне приятно, конечно, им верить. Хотя сам-то я в этом не вполне уверен. А если бы был я в этом уверен, то это самым решительным образом свидетельствовало бы об обратном.

Вот зачем-то я начал с чего-то квазиафористического, наподобие гр. Л. Н. Толстого, любившего иногда примерно таким образом начинать свои масштабные полотна.

Масштабного полотна не будет, это точно. А давним воспоминанием я с вашего позволения все же поделюсь.

В давние времена, когда мне было лет четырнадцать, отец моего приятеля Смирнова купил маленькую любительскую кинокамеру. На нее он снимал разные семейные путешествия, а потом эти невнятные эпизоды показывал гостям на прищипленной к стенке простыне. Эпизоды требовали подробного комментария – без них ничего понятно не было. “А это я стою спиной. А это Ритина (Рита – это его жена) рука с чайником. А вон из-за куста Сашка (это мой друг Смирнов)

выглядывает. Темно получилось, плохо видно”. Ну и так далее.

Иногда, в целях операторского самоусовершенствования, он бродил с камерой в окрестностях своей дачи и снимал все подряд.

Однажды он заснял корову в процессе вдумчивой дефекации. Было забавно наблюдать, как лепешки весело плюхались на травяную поверхность, художественно контрастируя с по-буддистски бесстрастным, медитативным выражением коровьей физиономии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.